

На приеме

По мне, так хорошей погоды не бывает. Всякая погода плоха. Я болею весной, летом, осенью и зимой. Утром и вечером, в полдень и за полночь. Я болею от духоты и сырости, от жары и холода, от дождей и сквозняков, когда ветряно и даже когда совсем тихо. От резкой перемены температуры и от ее непонятного постоянства. Я болею от близости водных пространств и от их отсутствия, в лесах и полях, на дачных участках и в каменных квартирах. Я болею из-за дурной наследственности и из-за дурных флюидов, из-за патогенных зон и враждебных влияний, магнитных бурь и непосредственных контактов, космических дыр и компьютерных вирусов. Я не переношу климат. Я тяжело переношу вещи. Поезд — один из самых главных врагов моему здоровью. В этом он может сравниться разве что с телевизором. Кроме учебных заведений, магазинов, общественного транспорта, церкви, гостей, людных собраний, улиц мне почти ничего не угрожает. О таких рассадниках инфекций, как аптеки и больницы я не говорю вообще.

Беда в том, что я никогда не могу подобрать одежду. Причиной этому гастрит, ОРВИ, язва, инфлюэнца (люблю не заслужено забытое словечко), системный иммунный дефицит, гепатит, гайморит, микоз, хроническое расстройство желудка, порок сердца, лимфаденит, панкреатит, флибит, стремительное падение зрения. Я так и не понял, когда нужно одевать пальто, когда куртку, а если куртки две, то когда одну, а когда другую, когда пиджак, а когда под пиджаком еще должна быть жилетка, когда обычно одевают теплые носки, и что входит в понятие «теплые носки», когда надевают рубашку потолще, например, из фланели, а когда тонкую. А когда достаточно только майки. Со свитерами у меня отдельная проблема, поскольку их у меня семь штук, и я никак не установлю соответствие между плотностью каждого свитера и погодой за окном. Результат известен.

Кроме того я не слушаю метеосводок, а когда слушаю, то

Кроме того я не слушаю метеосводок, а когда слушаю, то не могу установить, насколько прогнозы соответствуют действительному положению дел. Да и чтобы установить, нужно выйти на улицу, но вот тут-то как раз я и заболеваю. Градуснику я не верю принципиально, так как он ни разу не выдавал правильную информацию. Дом тоже не спасение. Я могу не выходить днями и месяцами, но все равно болею. Ни одна инфекция не проскользнет мимо меня. Ни один захудалый гриппчик не забудет зайти ко мне. Не было еще ни одного микроба, гуляющего где-то поблизости или вдаль, чтобы он не залетел ко мне на чаек. Не было еще такого, что бы что-то началось, завертелось, повергло бы многих в панику, и не прошло через меня. Не нашлось еще такого синдрома, такого незначительного проявления, которое бы тут же не выступило на мне, не дало о себе знать, прямо и бесповоротно. Не было еще такой заразы, чтобы она как-то, каким-то неведомым образом, совершенно неисповедимым путем, несмотря на все меры предосторожности, на всю охранительность и предусмотрительность, не проникла в меня. Не было такого и не будет! Это я знаю точно. А еще я знаю, что все равно бесполезно что-либо с этим делать. Боль гуляет по мне. Она не может прекратиться в принципе. Она переходит из одного органа в другой. Из поджелудочной в селезенку, из селезенки в кишечник, из кишечника в бронхи, из бронхов в носоглотку. Сейчас она тоже во мне, жутко болят глаза и под правой челюстью припухла железка.

Благодаря боли я много узнал. Например, что такое плеврит и плевра. Я узнал, что плеврит может быть сухим, гнойным и экссудативным. Я познакомился ближе с последним. Экссудат, экссудат, ты откуда и куда? Я помню, как тебя выкачивали из меня, мне жалко было с тобой расставаться. Меня отвлекали разговорами, подбадривали, несли ахинею, вроде того, что надо бы в такие моменты прокручивать перед пациентом порнушку, а сами того не знали, что отнимают меня у меня же самого, что лишают меня еще одного моего преимущества. Они не ведали, что творили.

Я помню, как влюбился в слово «экзема». Сначала в слово. Потом в нее саму. Или сначала в нее, а потом в слово. Экзема — хризантема. Экземочка. Я стал твоим рабом и

господином. Шесть лет я носился с тобой, как с самой дорогой вещью, какую только имел. Мои мысли стали как две капли воды, похожи на тебя, моя душа стала тобой. Я хотел избавиться от тебя и не мог. Миг избавления, поверь мне, был не сладким — как будто что-то рухнуло во мне, откололось, я почувствовал себя голым.

Есть таинственная прелесть в медицинской терминологии. Какая музыка названий — гепатит, дуоденит, туберкулез, глаукома, спле-но-ме-га-ли-я, ре-а-ни-ма-ци-я (я бы называл этим именем женщин! Анима, моя анима!), инфаркт миокарда, инсулин, эн-це-фа-ло-па-ти-я, лим-фа-а-де-но-па-ти-я, радикулит, псориаз. Кайф! Когда мне однажды поставили псориаз, я почувствовал возбуждение, как после прослушанной оперы. Мне хотелось срочно поделиться с кем-нибудь своим состоянием. Если бы не близкий друг, оказавшийся рядом, я бы взорвался от переполнявших меня чувств.

Я двадцать раз лежал в больницах, за полгода я осваиваю по три стационара. Я был потрясен, когда увидел человека, который подумал, что все уже кончилось, тогда как ничего еще не началось. Я изучил науку расставаний и науку мужицких разговоров. С десяти лет я знал все, чем может быть набита голова мужика. Меня водили на «сеансы», но внезапное заглядывание в женскую палату волновало меня меньше, чем гуляние по подземным больничным лабиринтам, бывшим бомбоубежищам. Я внимательно разглядывал картонные гениталии, пораженные разноцветными венерическими симптомами. Бледный спрахет и трихоманада — какие лукавые, несложные и причудливые словечки, какие глубокие знания, какой детский лексикон, какой шок для родителей и окружающих взрослых! Какое удивление и восхищение приятелей, ведь я ел за одним столом с сифилитиками! Сифилис — пустяк! Игрушки! Я видел и кое-что другое. Я играл с ним в шахматы. Он чесался. Белая кожа у него была только на ладонях. Я играл с ним в шахматы и смотрел, как с него сыпалась шелуха. Он был увлечен игрой как последним доступным ему наслаждением.

Я люблю запах стационаров. А как я сдаю анализы! Никто так, как я, не сдает анализы! Да что с него взять,

кроме анализов — это про меня. Я помню всех, с кем довелось обсуждать мировые проблемы, перевязываться, пить чай, скрипеть зубами от зуда, меняться книгами, обмениваться опытом, храпеть, пялиться до одурения в экран, есть, сквернословить, мычать, молчать. Он был с лысым, пятнистым черепом и лицом фантомаса. Таким я засек его еще в пульмонологии. Тогда он жил в соседней палате, так что я не мог рассмотреть его поподробней. После того, как он месяц на Желябова лечился от несуществующего воспаления легких, ему уже на Солнечной, где мы оказались соседями, вырезали-таки из желудка язву. У него были трудно запоминающаяся татарская фамилия и блестящий спортивный костюм, который скашивал старику не один десяток лет. «Да всех их к стенке!» — горячился он в ежедневных политических дебатах. Милейший человек! Он больше всех заботился обо мне, следил за температурой, даже звонил моим родным, когда мне было совсем хреново. Есть такое племя — вечные жители стационаров. Они ведут кочевой образ жизни, меняя болезни, как квартиры. Выйдя на улицу, они тоскуют по только что обжитому жилищу, тайно от всех и от самих себя стремятся обратно. Ох, эта непреодолимая тяга к палатному быту, к типовым, с милыми дефектами, тумбочкам, в которые заталкиваешь сменное белье, печенье и умывальные приборы. Невозможно преодолеть зависимость от общей, на шесть человек, раковины, от речи, состоящей из тавтологий, междометий и силлогизмов, о которых не догадывался Аристотель. Ах, это неумное влечение к казенным постелям, в которых всегда можно найти клочок ваты с красным сердечком, к этому табору, крестному ходу, потоку, плавно, со знанием дела впадающему в столовую, к больничной каше, выше которой нет ничего на свете. Ох, эта мощная, все поглощающая потребность в утренних обходах врача, всегда ожидаемых с неизменным чувством страха и уверенности, дискомфорта, неловкости и любопытства, в няньках, в сестричках, которых кличешь по именам, как собачек.

Настоящие шекспировские хроники. Хронос тоже может быть изумительно занимательным. Скажем, хронический полип. Его рубят, а он растет, его рвут петлей, а он

растет, его стачивают сверлом на восемь, а он растет, как капуста. Потрясающе интересно! Удивительно! Здорово-то как! Клево! Его шинкуют, а он растет, растет, как гриб, о котором, кстати, особый разговор. Шинковка, шинковка, родная винтовка, встань ко мне передом, к лесу... но растет, растет. «Лучше бы отрубили совсем этот рубильник, — говорит бывший лудильщик из Оренбурга, — а заодно пролудить бы сосуды, чтобы не портились». Нет, не говорит, а жестикулирует, вот он сосет бензин, сплевывает, пьет денатурат, морщится, щурится, вызывает дух умершего брата, смеется. Шекспировские хроники, хронические гамлеты, хронос вместо бытия.

Уже, наверное, понятно, что мне по всему этому многое чего нельзя делать. Мне нельзя поднимать тяжести и нельзя ничего не поднимать, нельзя делать резких телодвижений и нельзя долго сидеть (стоять) на одном месте, нельзя принимать холодный душ и нельзя перегреваться, нельзя выходить на улицу, не поевши плотно, но плотно есть мне тоже нельзя, мне нужно есть часто и понемножку. Мне нельзя кислого и острого, жареного и копченого, соленого и маринованного, жирного и мучного, спиртного и пресного. Сладкое есть категорически запрещается. Я ем манную кашу три раза в день. Манная каша — мое фирменное блюдо, мой конек, мой кулинарный секрет, мое наваждение, моя манна небесная, моя теплая незамутненная повседневность с щепоткой соли и двумя ложками сахара.

Я знаю всех лучших врачей города, и они знают меня. «Дайте-ка я еще раз пощупаю вашу селезенку, — вернулся врач уже из коридора. Полгода назад она у вас была 143/120, правильно? Так болит? Пальпируется легко». Боже мой, как прекрасно жить, когда кто-то в уме держит размеры твоей селезенки, как родовые предания. 143/120. Лопни моя... Селезень, селезень, где супруга твоя, селезеночка, упорхнула? Не догонишь теперь. Здесь она, у меня под пупком, крылышки сложила, притихла. Как бы не вспугнуть.

Я свободно ориентируюсь в антибиотиках и общеукрепляющих, внутривенных и внутримышечных, сульфаниламидах и жаропонижающих, бронхолитиках и спазмолитиках, сосудорасширяющих и сосудосуживающих, витаминах и обезболи-

вающих, иммуностимулирующих и очищающих, мочегонных и противовоспалительных, шприцах и ферментах. У меня всегда под рукой лечебные травы: ромашка, календула, эвкалипт, чабрец, багульник, кора дуба, желчегонные и успокаивающие сборы, настойки. Я пользуюсь этим почти каждый день. Я отлично, как самого себя, знаю, что к чему и что от чего. Я могу прописывать мази, ванны, системы, пункции, физиопроцедуры. Но я не врач. Я Больной. Больной с большой буквы. Больной, который звучит гордо. Больной, в котором все должно быть красиво: и корь и приступ холецистита.

Хмель ргутного столба. Кто под градусом, а кто под градусником. Наркотическое 38-градусное зелье поднимает тонус. Марочное, многолетней выдержки вино горячки с акцизной биркой. Никакой кагор уже не нужен!

Я люблю свои болезни. Люблю без всякой декаденщины, без какого-либо Катюла. Люблю однозначно, без ненависти, без странных любовей. Люблю хотя бы потому, что я сжился с ними, потому что все время болею. Это мой мир тавтологии, мой дивный, дивный мир тавтологии, мой маленький домашний фетишизм, моя башенка из слоновой кости. Я Флобер болезни, Уитмен недужного тела, о теле занедуженном я пою. Я не могу представить себе, что бы я делал, если бы вдруг полностью выздоровел. Моя жизнь оказалась бы пуста и бессодержательна. Я не преувеличиваю. Нельзя становиться вегетарианцем, прожив почти тридцать лет на животной пище. Нельзя справиться с отсутствием того, что делало твою жизнь полнокровной. Я богат, я чудовищно богат. И мое богатство всегда со мной. Поэтому я не одинок. Со мной всегда мой организм. Мне некогда скучать. Скучают и испытывают одиночество лишь здоровые люди. Они лишены своего организма. Он не преподносит им милые сюрпризы, как мне. У них не бывает так, что вот проснешься — и настоящий сюрприз: шея не поворачивается или пятно где вскочило! Спасибо, организм, я тронут. Или, например, морда опухла. Вот как сейчас. Чудно-то как! Свинка-то какая! Свинство мое дорогое! Свинство-то какое большое!

7 марта 1998 г.